

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историописание — письменная фиксация исторических событий в виде кратких известий или перечней, или же развернутых нарративов — во многих культурах оказывается одним из наиболее ранних видов письменных текстов (хотя, зачастую, не самым ранним). Историописание очень многообразно. В разных странах древнейшими его формами могут оказаться и надписи об отдельных событиях, и разного рода перечни или анналы, и развернутые повествования. В дальнейшем, как правило, в одной стране сосуществуют различные жанры и формы историописания. В одних обществах историописание, едва возникнув, достигает замечательных литературных высот (так было, например, в Древней Греции и многих странах христианской Европы), в других — на протяжении столетий и даже тысячелетий сохраняется в весьма лапидарных формах (например, в Древнем Египте).

Предлагаемый том задуман как материалы к сравнительному исследованию ранних форм историописания в древних и средневековых обществах Европы, Азии, Африки и Америки. Нас интересуют, в основном, наиболее ранние этапы историописания. Вот те вопросы, которые были разосланы авторам и на которые в той или иной степени даются ответы в статьях настоящего тома:

1. Когда, на каком этапе развития институтов власти и управления возникает историописание?

2. Как выглядят его наиболее ранние формы? Какие тексты возникают раньше других: краткие перечни и суммы, развернутые нарративы, что-то еще? Как формируется многообразие жанров историописания?

3. Кто выступает инициатором составления первых такого рода текстов? Какова роль верховной власти (государства, знати, церкви и т.д.) в этом процессе?

4. Как соотносятся при этом внутренние потребности и внешние влияния? В какой мере создатели первых памятников историописания действуют «по образцам»? Насколько такие образцы необходимы для возникновения историописания?

5. Как соотносятся на начальных этапах становления историописания письменное и устное?

6. Как соотносится возникновение историописания и появление других видов текстов (для христианских стран, например, агиографии)?

7. Может ли появление такого феномена, как историописание, рассматриваться как знак определенного уровня развития политического образования? Насколько обязательно возникновение историописания в обществе определенного уровня сложности?

Далеко не на каждый из этих вопросов можно ответить на материале любой страны, это лишь некий ориентир, обозначающий общую проблематику тома. Каждый автор по-своему строил свою статью. Некоторые старались, насколько возможно, придерживаться нашего вопросника; другие сосредоточились на какой-то одной проблеме или даже на каком-то одном тексте (или жанре), проецируя на них общие вопросы изучения раннего историописания. Так, в двух статьях настоящего тома (Н.Ю. Живловой об Ирландии и Е.А. Мельниковой о Скандинавии) в фокусе внимания оказалась генеалогия — центральный сюжет и основа многих ранних памятников историописания.

Как и у любого сравнительно-исторического исследования, цель нашего тома двоякая. С одной стороны, мы хотели бы увидеть общие тенденции (или, наоборот, отсутствие таковых) в том, как, при каких обстоятельствах и в каких формах возникает историописание в разных культурах — на Древнем Востоке, в античной Греции, в раннесредневековой христианской Европе или в доколумбовой Америке.

С другой стороны, компаративистика всегда отвечает на вопрос: «Как бывает?». И ответ на этот вопрос помогает исследовать такие случаи, для которых в нашем распоряжении имеется недостаточно источников. Не в последнюю очередь мы имеем в виду Древнюю Русь. Ранние формы древнерусского историописания известны: это летописи (включая «Повесть временных лет»), хронографы, исторические записи на стенах соборов и др. Однако вопрос о том, как конкретно эти тексты зародились, как выглядел и когда был создан древнейший из них, остаются дискуссионными. На наш взгляд, сравнительно-исторический взгляд, хотя и не способен твердо разрешить эти проблемы, может существенно помочь в их разрешении. В наш том включено пять статей о древнерусском историописании (не считая статьи А.С. Щавелева, где также высказывается

ряд сравнительно-исторических соображений о раннем русском историописании). А.В. Назаренко анализирует древнейшие из дат «Повести временных лет», которые выдерживают проверку независимыми источниками и, следовательно, позволяют поставить вопрос о ведении летописных записей в первой половине XI в. Т.Л. Вилкул обращается к проблеме датировки древнейших хронографов — компиляций по всемирной истории — и их соотношения с летописанием; исследовательница настаивает на том, что в XI–XII вв. хронографы еще не составлялись, а летописцы пользовались полными переводами греческих хроник, что имеет важные приложения для ранней истории летописания. М.М. Дробышева характеризует такую специфическую форму исторических записей, как «летописные» граффити киевского Софийского собора, а Л.В. Столярова — «исторические» записи в древнерусских книгах. Наконец, Т.В. Гимон дает обзор гипотез о наиболее ранних формах историописания на Руси и пытается взглянуть на эту проблему сквозь призму представленных в настоящем томе сравнительно-исторических данных.

Здесь, поэтому, вернемся к первой из двух названных целей — выявлению общего и особенного в раннем развитии историописания у разных народов. Предлагаемые статьи дают довольно широкий материал для подобных размышлений.

* * *

С типологической точки зрения наиболее ранняя форма историописания, обозначаемая авторами как «историописание без письменности», отмечена в доколониальном Бенине (статья Д.М. Бондаренко и П. Рёзе). Многие предметы, связанные с культом правителя (резные слоновые бивни с изображением исторических сцен, ритуальные предметы на алтарях правителей, рельефы из дворца и др.) были нацелены на фиксацию деяний правителя и использовались придворными историками для припоминания событий прошлого. История в сознании бини была связана прежде всего с правящей династией.

В нашем томе нет специальной статьи, посвященной Шумеру — наиболее изученной из древнейших письменных культур мира (хотя краткая характеристика шумерского историописания дана в статье А.А. Красовой). Позволим себе, поэтому, сослаться на обзорную работу П. Михаловски о шумерском и старовавилонском историописании, включенную в качестве первой главы

в «Оксфордскую историю историописания» (2011)¹. Развитых исторических нарративов в Шумере не обнаруживается, однако можно проследить историю ряда «малых форм» историописания.

Тексты, которые хоть как-то можно было бы отнести к историописанию, впервые обнаруживаются в Шумере в раннединастический период (между примерно 2700 и 2350 гг. до н.э.), т.е. на несколько сот лет позже зарождения письма (ок. 3200 г. до н.э.). Однако (прото)шумерское письмо более раннего времени еще не передавало грамматических аффиксов, а значит не было пригодно для записи текстов, отличных от административных и хозяйственных документов, а также лексических списков².

В раннединастический период появляются царские надписи, как правило, фиксирующие факт строительства храма или посвящения тому или иному божеству какого-либо предмета (сосуда, статуи и т.п.). С середины III тыс. до н.э. в надписях правителей I династии Лагаша их достижения (строительство храмов, рытье каналов, военные победы и др.) начинают перечисляться, а иногда излагаться подробно. Появляются развернутые рассказы о конфликтах с соседними правителями, а также отсылки к событиям предшествующих царствований. Аналогичные тексты, хотя и с некоторыми новациями, помещались на стелах и статуях царей Аккадской династии и III династии Ура (XXIV–XXI вв. до н.э.), при которых в Двуречье был достигнут принципиально новый уровень политической централизации³.

Другой формой историописания стал Шумерский царский список, сохранившийся в целом ряде редакций и впервые созданный, вероятно, в эпоху III династии Ура. Он представляет собой перечень мифических и реальных династий (названных по городам), якобы последовательно, одна за другой правивших в Месопотамии, с указанием имен всех царей и числа лет правления каждого. Это первый шумерский текст, дававший цельное видение истории «от начала» и помещавший настоящее в исторический контекст⁴.

---

¹ *Michalowski P.* Early Mesopotamia // *The Oxford History of Historical Writing*. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.

² *Cooper J.S.* Babylonian beginnings: the origin of the cuneiform writing system in comparative perspective // *The First Writing: Script Invention as History and Process*. Cambridge, 2004. P. 80–83.

³ *Michalowski P.* Early Mesopotamia. P. 6–14; *Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986. Vol. 1: Presargonic inscriptions.

⁴ *Michalowski P.* Early Mesopotamia. P. 15–16. Издания и английские переводы см.: *Glassner J.-J.* Mesopotamian Chronicles. Leiden; Boston, 2005. P. 117–127; *The Sumerian king list* // <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.1*#>.

Кроме того, со времен Аккадской династии возникла практика называть годы по важным событиям (военным достижениям царя, строительным предприятиям и пр.), которая отразилась в административных документах. Позднее стали составляться перечни годов/событий, которые можно рассматривать как род летописи. Дошедшие до нас примеры таких перечней относятся уже ко II тыс. до н.э., однако охватывают годы III тыс. и, возможно, опирались на более ранние протографы⁵.

Наконец, П. Михаловски указывает на целый ряд памятников месопотамской поэзии (конца III тыс. до н.э. и более позднего времени), в которых в той или иной степени отразилась память об исторических событиях и/или общее видение истории (рассказывающих о падении Аккадской династии, о смерти Ур-Намму — основателя III династии Ура, о конце этой династии, и др.)⁶. Историческая память, по Михаловски, отразилась также в коллекциях писем правителей III династии Ура (вероятно, отредактированных, если вообще подлинных), дошедших в рукописях времен Старовавилонской династии (XXI–XVI вв. до н.э.)⁷. Для этого периода, вообще, характерен уже ученый, «антикварный» интерес к шумерскому прошлому, выразившийся, например, в копировании древних надписей и уже не связанный непосредственно с интересами правителей⁸.

Итак, в Шумере первоначально историописание представлено лишь надписями о достижениях правителей, иногда перерастающими в пространные обзоры царских деяний. Впоследствии, скорее всего в сверхцентрализованной империи III династии Ура, появляется Шумерский царский список, а также перечни годов (?) и поэтические сочинения, посвященные отдельным историческим событиям. В следующую, Старовавилонскую эпоху прошлое уже начинает становиться предметом ученого интереса и частных штудий образованных людей. Насколько такая картина универсальна, находит ли она себе параллель в других ранних письменных культурах?

Так же как в Шумере, краткие формы фиксации событий стоят у истоков историописания в Древнем Египте. Как показано в ста-

---

⁵ *Michalowski P. Early Mesopotamia. P. 11–12, 21–22.*

⁶ *Ibid. P. 14–26.*

⁷ *Ibid. P. 18–20.*

⁸ *Ibid. P. 22, 25 et al.*

тье А.А. Банщиковой, кроме довольно рано появившихся царских списков, египетское историописание на протяжении двух с половиной тысячелетий было представлено исключительно надписями и литературными композициями об отдельных исторических событиях. Так называемые «анналы» эпохи Древнего царства (Палермский камень), которые часто считаются примером развития жанра погодного изложения, в действительности представляли собой обширную царскую надпись (вероятно, ее вводная часть была утеряна)⁹. При этом, если в Месопотамии в более позднее время возникли более развитые формы историописания — царские анналы, хроники и др. (см. в статье А.А. Красовой об историописании Ассирии), то Египет — вплоть до эллинистического времени — ничего подобного не знал.

Подобно Шумеру и Египту, у истоков историописания в Китае стояли краткие тексты (списки правителей, записи или перечисление деяний правителя или подданных, характеристики сразу нескольких правителей и др.). В последующий период, как показывает в своей статье М.Ю. Ульянов, можно проследить эволюцию от «анналов» на отдельных планках — текущей записи событий, делавшейся в ритуальных целях, через «хроники» — составлявшиеся на основе «анналов» ретроспективные обзоры событий, к более связным «историям», создававшимся уже в условиях централизованной империи. Благодаря специфике китайских источников ученые имеют уникальную возможность судить о функциях исторических записей, процедуре их составления, статусе лиц, в обязанность которых вменялось ведение таких записей, и т.п. — всё это показано в статье М.Ю. Ульянова в настоящем томе.

Аналогично Древнему Востоку формировалась традиция историописания в доколумбовой Мезоамерике (см. статью Д.Д. Беляева) во второй половине I тыс. до н.э. — начале н.э. Самой ранней формой историописания являются монументальные памятники, сочетающие изображение и краткие надписи (даты или подписи к участникам, описание событий). Записываемые даты имеют циклический характер, что, по мнению автора, связано с общемезоамериканскими представлениями о времени, в соответствии с которыми повторение дат вызывает повторение событий. В этом контексте запись исторических событий является гарантией будущего.

---

⁹ См. также: *Wilkinson T.A.H. Royal Annals of Ancient Egypt: The Palermo Stone and its associated fragments. L.; N.Y., 2000.*

И хотя текст довольно быстро отрывается от изображения, формат надписи продолжает оставаться основным способом фиксации исторических событий. Более пространные нарративы создаются изначально как серии отдельных монументов, объединенных в «иконографические программы». Развитие кратких надписей в пространные исторические тексты отмечается лишь в Юго-Восточной Мезоамерике, где появляются сложные хронологические системы («долгий счет» и «интервальные числа»). Такие надписи представляли собой не просто последовательность датированных записей, а связные тексты исторического содержания, в которых хронологическое разворачивание повествования представляло собой важнейший элемент структуры.

В то же время в раннем мезоамериканском историописании нет свидетельств развития таких форм, как царские списки или погодные записи/летописи. Элементы царских списков в виде перечней имен правителей первоначально встречаются также в составе царских надписей. Свидетельства выделения царских списков в отдельный жанр относятся уже к классическому периоду (I тыс. н.э.).

Так возникло и эволюционировало историописание в тех обществах Древности, где письменность и письменная культура развивались спонтанно, а не были заимствованы извне. Иную картину дает рассмотрение европейских обществ — Древней Греции (статья И.Е. Сурикова) и христианского Средневековья. Для них более характерно сосуществование уже на самых ранних этапах «малых форм историописания» (кратких анналов, перечней и пр.) и развернутых нарративов, излагающих и осмысляющих историю страны/династии/церкви. При этом уже в начальный период развития историописания (Греция VI–V вв. до н.э., Армения V в. н.э., Англия начала VIII в., Русь XI – начала XII в., Скандинавия XII–XIII вв. и т.д.) появляются наиболее яркие памятники и закладывается многообразие жанров.

Чтобы немного упорядочить многообразие освещенного в статьях настоящего тома материала, попробуем классифицировать сами тексты, представлявшие собой ранние опыты историописания

* * *

В целом, в представленных материалах можно выделить очень широкое разнообразие ранних форм историописания. Следует подчеркнуть, что во многих случаях они не исключают друг друга, а развиваются параллельно.

1. Фиксация деяний правителя — от надписей об отдельных достижениях к развернутым текстам. Как уже указывалось выше, первыми текстами исторического содержания в Шумере были краткие надписи раннединастической эпохи. Позднейшие ассирийские «царские надписи» и «анналы», «составленные от имени царя в форме отчета небесным покровителям и содержащие рассказы исключительно о его свершениях (главным образом об успешных военных кампаниях, а кроме того — о невероятных подвигах на охоте), оканчивающиеся описанием строительства и поновления дворцовых ансамблей и храмов» (определение из статьи А.А. Красовой), не восходят к ним непосредственно, а развились под влиянием хеттской традиции.

Показательно, что, по мнению А.А. Банщиковой, в Древнем Египте царские надписи, несмотря на всю их важность, являлись вторичными по отношению к царским спискам.

В древней Мезоамерике царские надписи, возникшие в I тыс. до н.э., продолжают существовать практически до испанского завоевания (последние астекские монументальные памятники, такие как «Камень Тисока» или «Панель Главного Храма», датируются концом XV в.).

Первые памятники древнетюркского историописания (см. статью С.Г. Кляшторного), датирующиеся концом VI в., представляли собой стелы, установленные в погребальных комплексах тюркских правителей и носившие эпитафийный характер. Традиция воздвижения стел с руническими надписями достигла своего расцвета в первой трети — середине VIII в., в эпоху существования Второго Тюркского каганата (689–744). Их основное содержание — описание военных деяний (сражений, восстаний, походов), смен правителей, которые точно датированы по годам и месяцам жизни их героев или, иногда, по годам 12-летнего «животного цикла». Помимо надписей, посвященных правителям, появляются надписи других представителей элиты, прежде всего выдающихся военачальников. Впоследствии эта традиция продолжалась в Уйгурском (745–840) и Кыргызском каганатах (840–918).

Схожие надписи о деяниях правителей и других лиц можно обнаружить в Китае (см. в статье М.Ю. Ульянова), Скандинавии (некоторые из рунических надписей дохристианского времени¹⁰) и у

---

¹⁰ См.: Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 182–208.

многих других народов. Родственным явлением здесь, как кажется, могут быть и два древнерусских текста — перечень событий времен Владимира Святого в «Памяти и похвале» Иакова Мниха и «автобиография» Владимира Мономаха (см. в статье Т.В. Гимона).

2. Перечни правителей можно рассматривать в качестве начальной формы фиксации истории в Древнем Египте. Как указывает А.А. Банщикова, составление царских списков восходило к чрезвычайно важному для древнеегипетского общества культу мертвых и культу предков. В то же время следует отметить, что не всегда наличие культа предков приводит к преобладанию перечней правителей. В доколумбовой Мезоамерике и в доколониальном Бенине культ предков являлся одной из основ картины мира, а культ предков правителя фактически выполнял роль государственной идеологии, однако историческое прошлое в этих культурах представлялось скорее в виде деяний отдельных владык.

В Месопотамии царские списки появляются позже царских надписей, но приобретают особое значение с развитием больших централизованных государств. Они связывают мифические времена с позднейшими эпохами и охватывают очень большие промежутки времени.

В англо-саксонской Англии (статья Т.В. Гимона) очень ранний перечень королей Нортумбрии известен по упоминаниям у Беда Достопочтенного, причем Беда описывает процедуру *исключения* плохих королей из этого списка, тем самым как будто указывая на его официальное значение. Не исключено, что такие перечни были древнейшей формой англо-саксонского историописания.

В древнерусских источниках, связанных с новгородским летописанием, содержатся перечни князей, церковных иерархов, а также должностных лиц (посадников, тысяцких), которые были созданы в XV в. Однако, по мнению Т.В. Гимона, некоторые из таких перечней восходят к концу XI в. и могли быть одной из ранних форм новгородского историописания.

Перечни правителей существовали также в Китае, Древней Греции (перечень афинских архонтов), ряде стран средневековой Европы и др.

3. Генеалогии правителей являлись одним из древнейших пластов в ирландском историописании (статья Н.Ю. Живловой). Они были записаны в начале VII в., но вероятно, восходили к концу V в. Ирландские генеалогии являются неотъемлемой частью общей традиции внимания к генеалогиям в кельтских культурах,

сохранявшей свое значение вплоть до начала Нового времени. Эту важность отмечали еще античные авторы, а после включения кельтских обществ в античную цивилизацию генеалогическая традиция была переработана с целью включения кельтов в культурную модель античного мира (цикл о Геракле, троянский цикл и т.д.). Исторических нарративов, посвященных истории страны после христианизации, в Ирландии не существовало вплоть до XI–XII вв. Генеалогии постоянно изменяли и переделывали, приспособивая к менявшимся реалиям, что создавало противоречия между различными изводами. Были известны также «жанровые» генеалогии, составленные по гендерному (генеалогии по женской линии) или профессиональному (клирики, ученые) принципу.

Скандинавские генеалогии (см. статью Е.А. Мельниковой) также были одной из ранних форм историописания, а также во многом структурировали исторические представления скандинавов и задавали структуру многих пространных памятников историописания. Другим германским народом, у которого известны ранние записи генеалогий, были англо-саксы: известны как коллекции королевских родословий (в рукописях с начала IX в.), так и генеалогические экскурсы в более пространных сочинениях.

В Китае (статья М.Ю. Ульянова) генеалогии в виде списков предков являются одной из гипотетических форм историописания, которая реконструируется для эпохи 1600–1250 гг. до н.э., хотя реальные памятники такого рода не сохранились. Для 1250–1150 гг. до н.э. предполагается переход от генеалогических списков к записи деяний правителей в рамках гадательной практики. Генеалогии аристократов нецарского происхождения распространяются в эпоху Чуньцю. А «Генеалогии» Гекатей были в числе наиболее ранних памятников греческого историописания.

В других рассматриваемых обществах генеалогии не стали значимой формой раннего историописания, хотя, как показывают примеры из истории Мезоамерики, в более поздний период в условиях социальных и политических трансформаций они могли выйти на первый план и превратиться практически в единственную форму историописания, как это произошло у сапотеков и миштеков в Оахаке¹¹ (ср. ситуацию в Древней Руси: здесь генеалогии как отдельные тексты не известны до XV в., но в период Московского

---

¹¹ См.: *Беляев Д.Д.* Царские генеалогии в древней Мезоамерике // ДГ, 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 38–51.

царства, наоборот, они чрезвычайно распространены и даже задают структуру одного из наиболее важных памятников историописания XVI в. — Степенной книги).

4. Погодные летописи или анналы являются одной их наиболее распространенных форм раннего историописания. Они доминируют по всей средневековой Европе (Англия, Ирландия, Польша, Русь и др.), а также представляли собой одну из самых ранних форм исторических произведений в Древнем Китае (см. статью М.Ю. Ульянова) и, видимо, в Древнем Риме.

Первой формой официального китайского историописания были краткие годовые записи всех происходивших сакрально значимых деяний правителей и событий («анналы»), которые существовали с начала эпохи Западное Чжоу (1027–770 гг. до н.э.). Записи велись в соответствии со строгими нормам в храме предков правителей. Они наносились на планки, которые прикреплялись одна к другой по мере их заполнения. На основе «анналов» с конца периода Западное Чжоу складываются тексты, которые М.Ю. Ульянов называет «хрониками»; записи в них также были краткими, но тематический охват был шире, а написание в меньшей степени было обусловлено ритуальными нормами. В более позднюю эпоху, начиная с VIII в. до н.э., различаются записи, ведшиеся при царствовании одного правителя («анналы») и исторические произведения, которые возникали при последующих правлениях на основе «анналов» в результате сокращений и добавлений сведений из других источников («хроники»). Римские понтификальные анналы (хотя о них известно существенно меньше), как кажется, представляли собой схожее явление¹².

Анналистика была одной из самых ранних и важных форм историописания в средневековой Европе. Так, появление анналистических записей в Ирландии можно отнести ко второй половине VI в. Им свойственна крайняя сжатость, отсутствие побочной информации (мотиваций персонажей, обстоятельств действий), отсутствие ретроспективности.

В Англии о появлении кратких анналов предположительно можно говорить применительно к концу VII в., уверенно — к началу VIII в. (древнейший сохранившийся памятник — анналистический перечень событий, приложенный Бедой Достопочтенным к его «Церковной истории» и получавший продолжения в разных рукописях).

---

¹² См. анализ данных о них: *Сидорович О.В.* Анналисты и антиквары: Римская историография конца III — I в. до н.э. М., 2005. С. 23–76.

Появление развернутых анналов связано с расцветом Уэссекса и началом складывания единого английского королевства при Альфреде Великом (871–899): тогда были составлены Начальные анналы, ставшие основой разветвленной летописной традиции — Англо-Саксонской хроники (см. статью Т.В. Гимона).

Анналистика (как краткая, так и «большая») характерна и для европейского Континента (см. статью А.И. Сидорова), а также для западнославянских земель — Польши и Чехии (см. в статьях А.С. Щавелева и А.В. Назаренко). Древнерусское летописание, возникшее в XI в., отличается от западнославянской анналистики большей пространностью, наличием, наряду с краткими известиями, развернутых и литературных повествований (в этом смысле оно ближе к Англо-Саксонской хронике или «большим» франкским анналам). Однако у истоков русского летописания, скорее всего, стояли (наряду с пространным Древнейшим сказанием) краткие анналы — наподобие тех, что известны в Польше и Чехии (см. в статье А.В. Назаренко, а также Т.В. Гимона).

5. Перечни лет и случившихся в эти годы событий также распространены в раннем историописании Европы. Отличие этого жанра от собственно анналов/летописей заключается в том, что в перечнях лет первичной является последовательность годов (впрочем, для некоторых пространных летописных традиций — например, англо-саксонской и древнерусской — характерны так называемые «пустые годы», т.е. перечисление всех годов вне зависимости от того, рассказывается ли *под* ними о каких-либо событиях или нет). Однако в чистом виде в христианской Европе такой формой историописания были анналы на пасхалиях (таблицах и росписях, подсказывавших даты Пасхи и других церковных праздников в каждом году). Пасхалия изначально задавала последовательность годов, рядом с которыми можно было делать краткие записи о памятных событиях (на полях, реже непосредственно в клетках таблицы). Ранние анналы на пасхалиях известны в Англии, Ирландии, континентальной Европе. Для XIV–XV вв. подобные памятники известны и на Руси. Довольно распространена теория, согласно которой в Европе анналы на пасхалиях были древнейшей формой анналистики, однако, строго говоря, эта теория не имеет прямых подтверждений (см. в статьях Т.В. Гимона и А.И. Сидорова). Не исключено, что на пасхалиях могли делаться наиболее древние, не дошедшие до нас анналистические записи в Англии (VII в.) и на Руси (первая половина XI в.) — впрочем, уверенности здесь быть

не может: записи могли вестись и, например, на свободных листах какой-либо богослужебной книги (см. в статьях А.В. Назаренко и Т.В. Гимона).

Схожие формы исторических записей можно найти и за пределами Европы. Ассирийские списки эпонимов (*лимму*), возникшие как перечисление должностных лиц, позднее были расширены. Они состояли из имени эпонима, вслед за которым указывалась его должность, а затем кратко упоминалось о главных событиях года (вступление царя на престол, военные походы, восстания, строительство храмов и их освящение, природные знамения — см. в статье А.А. Красовой). Основной канон эпонимных списков охватывает 911–648 гг. до н.э. В чем-то родственное явление составляли пиктографические летописи степных индейцев Северной Америки, представлявшие собой серии пиктограмм, отмечавших каждый год каким-то одним–двумя наиболее значимыми событиями¹³.

6. В отличие от предыдущих форм, **развернутые исторические нарративы**, излагающие возникновение и становление данной общности, на начальном этапе свойственны прежде всего европейским обществам. В первую очередь это Древняя Греция (см. статью И.Е. Сурикова), которая считается родиной исторического нарратива как такового. Однако Суриков обращает внимание на парадоксальность ситуации — греки были народом с «аисторическим сознанием», без обостренного чувства времени, но именно они сделали историю предметом сознательной рефлексии.

Уже в первое столетие после изобретения армянской письменности (и во второе — после христианизации) в Армении возникает целый ряд пространственных исторических нарративов, вобравших в себя местную устную традицию (статья В.А. Арутюновой-Фиданян).

Как указывает Т.В. Гимон, центральный памятник раннего англосаксонского историописания — «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного — представляет собой пример истории англо-саксов как единой общности. Хотя главной темой этого труда было распространение и утверждение в Англии христианской религии, а также становление англо-саксонской церкви, он содержит общий взгляд на историю страны, народа и королевств. Аналогами «Церковной истории» Беда в кельтских обществах Британских островов служили сводные «национальные» истории — валлийская

---

¹³ См.: *Борисов Г.Б.* Пиктографические летописи степных племен Северной Америки: Историко-культурные аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

«Историю бриттов» (830 г.) и «Книга захватов Ирландии» (конец XI в.). Они также основывались на большом количестве источников, в том числе включая отдельные подборки генеалогий.

У славянских народов примеры такого рода исторических сочинений известны в Польше (хроника Галла Анонима — см. статью А.С. Щавелева), в Чехии (хроника Козьмы Пражского) и на Руси — гипотетически восстанавливаемое раннее ядро «Повести временных лет» (также известное в научной литературе как Древнейший свод или Древнейшее сказание). В настоящее время большинство исследователей согласны в том, что истоком древнерусской традиции историописания был связный нарратив, не имевший погодной структуры, основанный на устных эпических преданиях, бытовавших в дружинной среде. Датировка и конкретный состав этого нарратива, однако, по-прежнему составляют научную проблему (предлагались датировки с конца X по 60-е годы XI в.).

Целый ряд пространных сочинений, излагающих раннюю историю Дании, Норвегии и Исландии, появился в этих странах начиная с XII в. (см. статьи Е.А. Мельниковой и Г.В. Глазыриной, а также рецензию Т.Н. Джаксон). Другой аналогичный, хотя и более поздний, относящийся уже к XIV в. памятник историописания, происходящий из Восточной Европы, — Хроника Петра из Дусбурга, представляющая собой официальное изложение истории Тевтонского ордена и его государства в Пруссии наряду с историей пруссов (см. статью В.И. Матузовой).

Широкое распространение исторических нарративов подобного типа в одном тесно связанном регионе и их отсутствие на ранних этапах в неевропейских обществах (см., однако, в статье Т.М. Калининой об арабском историописании, а в статье М.Ю. Ульянова — о более позднем развитии китайской историографии) ставит вопрос о том, выросли ли они независимо друг от друга, таким образом, отражая некую специфику европейского историописания, или их сходство связано с древнегреческой традицией, опосредованно (через позднеантичное, раннехристианское и византийское историописание) оказавшей влияние на культуры Северной, Центральной и Восточной Европы? Представляется, что сравнительные материалы данного тома свидетельствуют скорее в пользу второго варианта, хотя считать этот вопрос окончательно решенным пока рано.

7. Рассказы, прославляющие отдельные события прошлого, известные в Месопотамии и Египте, представляют собой доволь-

но редкое явление, очевидно, связанное с развитой литературной традицией в этих культурах. Впрочем, если относить к средневековому историописанию агиографию, а также похвалы правителям, круг подобных текстов расширится очень существенно.

* * *

Наряду с выводами, сделанными авторами в ходе размышления над вопросами, предложенными им при написании статей, важным результатом работы над данным томом стал ряд вопросов, изначально не встававших перед авторским коллективом.

Первый из них может быть сформулирован так: как соотносятся момент (и характер) зарождения историописания с моментом (и характером) зарождения письменности в том или ином обществе? Поясним на примерах.

В Шумере, как это хорошо известно, письменность первоначально использовалась исключительно в административно-хозяйственной сфере. В ранний период (прото)шумеры записывали лишь то, что не получалось передавать или сохранять изустно, и лишь со временем, когда клинопись достигла определенного уровня совершенства, письмо стало выполнять функции, ранее находившиеся в сфере изустных практик: стали записываться гимны богам, составляться послания и др.¹⁴ И только в этот период, в середине III тыс. до н.э., появляются тексты, которые можно отнести к историописанию — да и то к наиболее простым, если не сказать примитивным, его формам: царские надписи, позднее — царский список, и т.д. Спустя много веков в Месопотамии появляются более развитые формы историописания, такие как ассирийские царские анналы или «Синхронистическая история» (см. в статье А.А. Красовой); развернутых же исторических нарративов, подобных античным, китайским или европейским средневековым, древняя Месопотамия так и не создала.

Противоположный полюс представляют собой Бенин и Мезоамерика. В доколониальном Бенине (см. статью Д.М. Бондаренко и П.М. Рёзе) письменность отсутствовала, однако сложилась собственная система хранения и передачи информации при помощи условных знаков и рисунков, которые авторы вслед за Н.Б. Кочаковой называют «фразограммами». Их появление никак не было связано с хозяйством и администрированием, и все известные нам «тексты», «записанные» этими фразограммами, вполне можно отнести к историописанию.

---

¹⁴ *Cooper J.S. Babylonian beginnings. P. 83.*

В Мезоамерике в I тыс. до н.э. сложилось несколько независимых письменных традиций, которые, тем не менее, имели общую черту — тесную связь с календарем и идеологией верховной власти. В отличие от древневосточных обществ, нет оснований полагать, что древнейшей функцией письменности была хозяйственно-административная.

В промежутке между этими двумя полюсами находятся многие другие общества Древности и Средневековья, рассматриваемые в настоящем томе, — в том числе и общества христианской Европы.

Большинство письменных культур Северо-Западной, Северной и Восточной Европы сформировались одновременно с принятием христианства. Если какие-то опыты использования письма в дохристианское время и имели место (например, рунические надписи у германских народов), основным толчком к развитию письменной культуры послужило крещение, сопровождавшееся ввозом богослужебных книг, появлением прослойки грамотных клириков, монастырских книгописных центров и попаданием в страну иностранных литературных текстов. Именно так обстояло дело, например, в Англии и на Руси, где историописание возникло достаточно рано¹⁵ и было, несомненно, в той или иной степени связано с влиянием привезенной извне исторической литературы.

Второй важный вопрос заключается в следующем: кто были историописатели и насколько институционализированным было их занятие?

В Древнем Китае исторические записи осуществлялись специальными историографами *даши*, которые произошли из жреческой среды и еще долго сохраняли тесную связь с жречеством. Они хранили значительные знания о прошлом в своей памяти, при необходимости приводили сведения из реальной истории, которые относились как к сравнительно недавнему, так и к далекому прошлому. Кроме того, они были знатоками «священной истории». Другой важной функцией *даши* было знание религиозных церемоний, которые проводились в течение года и были приурочены к календарным датам либо к регулярным астрономическим явлениям.

Похожая группа профессиональных историографов (*ихогбе*) сложилась в Бенине. Они появились достаточно рано и, вероятно, пришли в Бенин из города Ифе вместе с основателем династии (конец XII — первая половина XIII в.). *Ихогбе* являлись не только хронистами, но

---

¹⁵ От крещения Нортумбрии до появления исторических трудов Беды прошло около 100 лет. На Руси этот промежуток, вероятно, был еще меньшим, хотя вопрос о дате древнейшего памятника историописания остается спорным.

и жрецами культа головы здравствующего правителя и культа его предков, играя важную роль при отправлении обрядов похорон верховных правителей. Среди них существовала и внутренняя иерархия, включавшая наследственные и ненаследственные статусы.

В древнеирландском обществе имелся особый класс профессионалов, занятых сохранением и передачей традиции, включая генеалогии, — филиды; какую-то часть этих функций могли выполнять друиды. Филиды сохранили свою роль и после христианизации, хотя часть функций перешла в руки клириков.

Универсальной чертой средневекового европейского историописания было то, что им занимались в основном представители церкви. По-видимому, это было связано прежде всего с фактором грамотности, а также с важной ролью раннесредневековой церковной историографии в формировании новой традиции историописания в условиях христианизации.

В то же время для других обществ, рассмотренных в настоящем томе, мы не можем говорить о существовании какой-то особой группы, обладавшей монополией на историописание. Это могли быть как чиновники, связанные с центральной властью, так и представители других социальных групп.

* * *

Еще несколько слов хотелось бы сказать о проблеме терминологии. Такие слова, как «летописи», «хроники», «анналы» и даже «историописание», употребляются разными авторами в настоящем томе по-разному. Мы не пытались унифицировать это словопотребление — задача почти бессмысленная! Однако отметить эту разность необходимо.

Так, М.Ю. Ульянов называет, применительно к древнекитайской традиции, «анналами» краткие, сухие, информационные погодные записи, «хрониками» — их ретроспективные своды, противопоставляя те и другие «летописям» как более развернутой форме исторического повествования. Исследователи Месопотамии (см. статью А.А. Красовой) «анналами» называют развернутые обзоры событий, составленные от имени царя, а «хрониками» — сводное изложение событий за более длительный период. В историографии западноевропейского Средневековья грань между «анналами» и «хрониками» проводится не всегда, но если проводится, то «анналами» называют более сухие и безличные тексты, а «хрониками» — более цельные и авторские (но и те, и другие, в отличие

от «историй», имеют погодную сетку)¹⁶. В литературе по истории средневековой Польши «хрониками» называются развернутые нарративы, вообще не имеющие погодной сетки, которые противопоставляются «анналам» (рочникам) как кратким погодным записям (ср. в статьях А.С. Щавелева [примеч. 55] и А.В. Назаренко). Применительно к Древней Руси «хрониками» обычно называют переводные с греческого исторические сочинения (в отличие от собственно древнерусских «летописей» и компиляций по всемирной истории — «хронографов»); если же используется термин «анналы» — то обычно для обозначения каких-то кратких записей (см. в статьях А.В. Назаренко, Т.Л. Вилкул и Т.В. Гимона). Во всех этих случаях авторы исходят из специфики «своего» материала и из уже существующей в историографии традиции. Пытаться навязать всем какую-то одну терминологическую шкалу было бы не только бессмысленно, но и вредно. Мы стремились лишь к тому, чтобы в статьях ясно давалось понять, какие именно тексты скрываются под каждым из используемых авторами терминов.

Более серьезная проблема — с границами понятия «историописание». Авторы тоже понимают их не всегда одинаково. Статьи можно разделить между тремя основными подходами к исследованию историописания.

Задумывая данный том, редакторы опирались на следующее определение историописания, предложенное Дж. Бейнзом: «использование прошлого на письме и создание письменных текстов, ориентированных на использование в будущем в качестве [отражения] прошлого [того или иного] общества»¹⁷. Свои статьи они написали в духе этого определения. Однако не все авторы оказались согласны с таким подходом.

Так, А.А. Банщикова рассматривает историописание через призму античной традиции (произведения «логографов», Геродота и Фукидида), определяя его цель как ««сквозное», последовательное изложение всей истории какого-то коллектива или региона или какого-либо из ее этапов». С этой точки зрения в Египте нельзя говорить о сложившемся историописании. А.А. Красова отмечает,

---

¹⁶ См. об этом словоупотреблении: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 69–92.

¹⁷ «History-writing is the use of the past through written means and the creation of written materials that look to the future so that they can be used as a society's past» (The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5).

что «тексты, из которых сегодня мы черпаем сведения об истории Месопотамии, возникали из сугубо практических нужд и никогда не претендовали, да и не могли претендовать на то, чтобы считаться собственно историческими сочинениями, на манер тех, что знает античная традиция». Однако с позиции Бейнза «использование прошлого» — это вполне практическое занятие.

М.Ю. Ульянов, в свою очередь, поставил вопрос еще шире, говоря о «процессе “сохранения исторической памяти”», что, по его мнению, было тесно связано с религиозными представлениями и сакральной стороной функционирования власти. С позиции исторической памяти смотрит на проблему и С.Г. Кляшторный¹⁸.

Все три подхода имеют право на существование и по-своему продуктивны. Несмотря на их различие, мы надеемся, что этому тому удастся выполнить его главную задачу — собрать широкий компаративный материал о том, как зарождается и как выглядит раннее историописание у разных народов. Мы надеемся на то, что обсуждение затронутых здесь проблем продолжится, а статьи этого тома придадут этим будущим дискуссиям большую основательность.

* * *

Основу настоящего тома составили материалы круглого стола «Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья», прошедшего в ИВИ РАН 31 октября — 1 декабря 2011 г. К сожалению, не все участники круглого стола смогли подготовить материалы для этого тома — поэтому считаем небесполезным сослаться на те работы, где отразились их наблюдения над ранним историописанием изучаемых ими народов¹⁹. Наоборот, в двух случаях авторы согласились поместить в настоящем томе переработанные версии статей, ранее уже публиковавшихся (статья А.А. Красовой: ИИ. 2008. Вып. 4. С. 7–36; статья Д.М. Бондаренко и П. Рёзе: Восток. 2007. № 4. С. 5–15), но ключевых для проблематики этого тома, за что мы им чрезвычайно признательны.

---

¹⁸ Ср. подход в: *Мереминский С.Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 14–27.

¹⁹ См.: *Борисов Г.Б.* Пиктографические летописи; *Кузнецов В.А.* Структура и развитие арабо-мусульманского исторического знания в VIII–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Иванов С.А.* Болгарская общественная мысль эпохи раннего Средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 2009. С. 9–30.

Ответственные редакторы тома благодарны остальным членам редколлегии ежегодника, а в особенности — Е.А. Мельниковой и А.С. Щавелеву за помощь и поддержку на всех стадиях работы.

Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Д.Д.* Царские генеалогии в древней Мезоамерике // ДГ, 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 38–51.
- Борисов Г.Б.* Пиктографические летописи степных племен Северной Америки: Историко-культурные аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Иванов С.А.* Болгарская общественная мысль эпохи раннего Средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 2009.
- Кузнецов В.А.* Структура и развитие арабо-мусульманского исторического знания в VIII–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222.
- Мереминский С.Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 14–27.
- Сидорович О.В.* Анналисты и антиквары: Римская историография конца III – I в. до н.э. М., 2005.
- Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986. Vol. 1: Presargonic inscriptions.
- Cooper J.S.* Babylonian beginnings: the origin of the cuneiform writing system in comparative perspective // The First Writing: Script Invention as History and Process. Cambridge, 2004. P. 71–99.
- Glassner J.-J.* Mesopotamian Chronicles. Leiden; Boston, 2005. P. 117–127.
- Michalowski P.* Early Mesopotamia // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.
- The Oxford History of Historical Writing / Gen. ed. D. Woolf. Oxford, 2011. Vol. 1.
- The Sumerian king list // <http://etcs1.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcs1.cgi?text=c.2.1*#>.
- Wilkinson T.A.H.* Royal Annals of Ancient Egypt: The Palermo Stone and its associated fragments. L.; N.Y., 2000.